

ДМИТРОВСКАЯ М. А.

МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЕ
ГЛАГОЛА *ПОНИМАТЬ*

Понимание определенным образом соотносено с категориями мнения и знания. Знание и мнение отличаются друг от друга по характеру источников или оснований. Мнение в общем случае является результатом анализа некоторой совокупности фактов и характеризует один из возможных миров, не обязательно совпадающий с реальным. Высказывая свое мнение, субъект отдает себе отчет в том, что возможны и иные решения интересующего его вопроса [1—3]. Утверждения мнения не гарантируют истинность пропозиции, ср.: *Я не знаю точно, но мне кажется, что завтра будет хорошая погода*. По сравнению с мнением знание гораздо богаче по количеству источников. Обычно разграничивают выводное, невыводное знание и знание «из вторых рук», т. е. полученное в процессе обучения, из разговоров, книг и т. д. Содержание невыводного знания составляют эмпирические пропозиции, в которых зафиксированы результаты чувственного опыта воспринимающего субъекта, а также априорные пропозиции или аксиомы, например, $2 \times 2 = 4$. Сюда же можно отнести такие пропозиции, как *Земля существовала задолго до нас*, которые обычно не подвергаются сомнению, а просто «включаются как данное в нашу практику, т. е. в наши действия и восприятие мира» [4, 5]. Познавая мир, человек, однако, не только пассивно воспринимает, но и анализирует, обобщает, ставит себе вопросы и пытается ответить на них. Полученные пропозиции составляют содержание выводного знания, причем они, в отличие от мнения, характеризуют возможный мир, совпадающий с реальным, пусть даже этот мир сведен к субъективному миру одного человека: мыслящий субъект, постулируя знание пропозиции, полученной путем вывода, имеет при этом в виду невозможность существования альтернативных ситуаций. Субъект, утверждая свое знание, гарантирует истинность пропозиции.

Понимание является результатом некоторых ментальных операций и поэтому составляет необходимое условие как мнения, так и выводного знания, ср.: *Я понял, что он может приехать завтра → Я думаю, что он приедет завтра; Я понял, что это произошло по моей вине → Я знаю (думаю), что это произошло по моей вине*.

Эксплицитное выражение понимания, подобно утверждению знания, гарантирует истинность вводимой пропозиции, а глаголы *знать* и *понимать* могут употребляться в близком смысле, ср.: «А птицы знали, понимали, что означает каждый выстрел» (Н. Глазков)¹. Если при утверждении понимания перед субъектом встанет задача самостоятельного определения своего эпистемического состояния, он всегда определит его как знание, ибо понимание ассоциируется у человека с постижением некоторой непреложной истины (это выполняется и в случае повествования от лица автора в художественном тексте): «Вронский не понял того, что именно произошло между Картасовыми и Анной, но он понял, что произошло что-то унижающее для Анны. Он понял это по тому, что видел, и более всего по лицу Анны, которая, он знал, собрала свои последние силы, чтобы выдерживать взятую на себя роль... Зная, что что-то произошло, но не зная, что именно, Вронский испытывал мучительную тревогу и, надеясь узнать что-нибудь, пошел в ложу брата» (разрядка наша. — Д. М.) (Л. Н. Толстой).

¹ Большинство литературных примеров взято из Картоотеки Большого Словаря ЛО Ин-та языкознания АН СССР.

Вопросы, которые могут быть заданы к утверждениям знания, мнения и понимания, четко выделяют сходства и различия между соответствующими эпистемическими состояниями. Вопрос *Откуда ты знаешь, что он придет завтра?* направлен на прояснение источника получения информации; ср. возможные ответы на него: *Он перед отъездом сказал мне о дне своего приезда; Я вчера получил от него телеграмму; Я разговаривал с его матерью и т. д.* Вопрос *Почему ты так считаешь?* есть вопрос об основе и мнения и отражает стремление говорящего получить информацию об исходном наборе фактов и, опираясь на него, удостовериться в правильности суждения. К утверждению понимания ключевыми являются вопросы *Как ты это понял?* и *Почему ты так считаешь?*, поскольку для понимания важны основы и способ, при помощи которых субъект установил истину.

Понимание (постижение истины) не является по своей сути единым процессом и реализуется в большом количестве разнородных ситуаций. Эти ситуации различаются по способу достижения понимания. Понять что-то можно: а) проанализировав некоторый набор полученных данных; при этом реализуется понимание как пропозициональное достижение²; б) самостоятельно объяснив для себя суть явления (понимание как уяснение); в) вникнув в объяснения другого лица (понимание объяснения)³.

Первый из выделенных видов понимания — понимание как пропозициональное достижение — в свою очередь тоже неоднороден, причем способ понимания определенным образом зависит от семантики пропозиции, которая может представлять собой общеизвестную истину, выражать мнение, отражать какой-либо факт действительности и т. д. Анализ употреблений глагола совершенного вида *понять* позволяет выделить здесь следующие его значения.

Понимание-1 направлено на правильное истолкование некоторых данных опыта, которые являются признаками других событий или явлений. Понимание этого рода сводится к установлению ненаблюдаемого явления по воспринимаемому сигналу, например; «Александр Платонович захотел пить и понял, что надвигается солнце» (Павленко). Недостаток воспринимаемых данных может привести к затрудненности или неоднозначности интерпретации, ср.: «... всегда у него было такое выражение лица, что нельзя было понять, шутит он или говорит всерьез» (А. П. Чехов). Поскольку связи между наблюдаемыми явлениями и тем, что за ними стоит, объективно закреплены и входят в знание картины мира, субъект может вести поиск внешних симгтомов целенаправленно, ср.: «Евсей вскопал на ноги, снова быстро сел, взглянул на Ольгу, желая понять, заметила ли она его невольное испуганное движение» (М. Горький). От каузальных отношений между наблюдаемыми признаками и стоящими за ними явлениями надо отличать семиотические отношения, часто лежащие в основе совершения людьми определенных действий, ср.: «Коломиец взял наощупь карандаш с тумбочки, что-то отметил, словно давая понять мне, что разговор закончен» (В. Белаяев). Глагол *понять* в рассматриваемом значении вводит пропозиции, которые относятся к прошлому, настоящему или будущему положению дел и имеют статус единичного факта. Все

² Мы используем здесь термин, введенный З. Вепдлером для характеристики глаголов, обозначающих ментальные действия, в результате которых субъект становится обладателем некоторой информации. Ментальные состояния, описываемые глаголами пропозиционального отношения, и ментальные действия, описываемые глаголами пропозиционального достижения (propositional achievement), такими, как *увидеть, обнаружить, услышать, осознать, понять* и др., связаны между собой каузальными связями: например, то, что человек видел, переходит в фонд его знаний [6, 7].

³ Понимание объяснения не совпадает с пониманием, восприятием или интерпретацией текста (в том числе и речевого сообщения). Вопрос о понимании текста как выявления его истинного смысла в настоящей статье не рассматривается. Разница введенных нами терминов «понимание как пропозициональное достижение», «понимание как уяснение» и «понимание объяснения» не должна заслонять того факта, что все эти виды понимания ведут к постижению (достижению) новой для субъекта информации.

эти пропозиции поддаются верификации, хотя и не обязательно в момент произнесения соответствующего высказывания.

Утверждения этого вида понимания обычно включают указания на наблюдаемые признаки или сигналы, а сам глагол *понять* является синонимичным глаголам ментального вывода, ср.: *судя по тому, что... , я понял/заклучил, сделал вывод/ , что... .*

П о н и м а н и е - 2 связано с анализом ситуации, причем вывод должен быть обоснован достаточным количеством исходных данных. Момент умозаключения часто значительно удален от времени получения исходной информации. Пропозиции здесь могут иметь статус факта, быть верифицируемыми в будущем прогнозами, а также оценками. Утверждения этого вида понимания могут включать указания на особенности мыслительного процесса, его интенсивность, ср.: *Спокойно все обдумав/тщательно все взвесив/внимательно все проанализировав/ , я понял, что мои дела вовсе не так уж плохи, как мне казалось раньше.* Подобные высказывания должны скрыто или явно содержать основания вывода, ср.: *После нескольких часов безуспешных попыток найти дорогу они поняли, что окончательно заблудились.*

П о н и м а н и е - 3 связано с осознанием психических процессов самого субъекта. Пропозиции здесь могут описывать общие свойства личности, реакции человека на какие-нибудь события, его восприятие других людей. Этот вид понимания обычно опирается не на анализ симптомов, а на анализ ощущений и предполагает выведение информации из подсознания в сознание, т. е. соответствует акту самоанализа. В этом употреблении глагол *понять* зачастую равнозначен глаголу *почувствовать*, ср.: «Оставшись один, Алексей Александрович понял [=почувствовал.— Д. М.], что не в силах более выдерживать роль твердости и спокойствия. Он велел отложить дождавшуюся карету, никого не велел принимать и не вышел обедать» (Л. Н. Толстой). В понимании-3 большую роль играет воображение предстоящих событий и действий, ср.: «— Положим, я вызову на дуэль, — продолжал про себя Алексей Александрович, и, живо представив себе ночь, которую он проведет после вызова, и пистолет, на него направленный, он содрогнулся и понял, что никогда он этого не сделает» (Л. Н. Толстой). Рассмотренный вид понимания часто равнозначен принятию решения.

П о н и м а н и е - 4 основано на «вчувствовании», эмпатии и направлено в первую очередь на идентификацию психического состояния других людей (в английской лингвистической философии проблема истинности таких суждений и их квалификация как мнения или знания известна как «the problem of other minds»; ее разработка связана в первую очередь с именами Дж. Виздома и Дж. Остина). В отличие от понимания-1, когда идентификация внутреннего состояния другого человека происходит по внешне наблюдаемым признакам, обычно известным всем людям, понимание как вчувствование доступно далеко не всем и зависит от психических особенностей воспринимающего субъекта, ср.: «Так как много понимал я тогда яснее чем обыкновенно, то и тут понял, что он ждет, чтобы я протянул ему руку (В. Г. Короленко). Отсутствие рационального момента в этом виде понимания может подчеркиваться употреблением соответствующих модификаторов, таких, как *понять сердцем/инстинктом/чувствами/интуитивно*, ср.: «Поликсена Ивановна... инстинктом преданного женского сердца поняла, что Павлу Ермолаичу ничего не требуется, кроме покоя, и сообразно с этим устроила для него домашнюю обстановку (М. Е. Салтыков-Щедрин). В рассмотренном значении глагол *понять* равнозначен глаголу *почувствовать*, ср.: «Петя глубоко чувствовал душевное состояние отца, он понимал, что Василий Петрович как-то особенно мучительно переживает смерть Толстого (В. Катаев).

П о н и м а н и е - 5 связано с накоплением определенных знаний и жизненного опыта и является сугубо индивидуальным. Здесь чаще всего встречаются оценки и общие суждения, которые выражают взгляды человека на мир, например: «Лет тридцати, возвратившись из ссылки, я понял, что во многом мой отец прав, что он, по несчастью, оскорбительно

хорошо знал людей» (А. И. Герцен); «Я понял, что такое отечество, почему оно вправе требовать от сынов своих жертв и даже самоотвержения» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Формулировка общих суждений обычно не связана с открытием новых истин, а сводится к выбору из конечного числа уже существующих. Это объясняется неизбежной унификацией явлений при генерализации, а также поляризованностью мнений и оценок: так, в наших представлениях зло либо наказуемо, либо ненаказуемо; любовь либо существует, либо не существует и т. д. Общие суждения в устах конкретного человека больше говорят о нем самом, чем об окружающем мире. В спорах по этим вопросам трудно прийти к согласию, так как обоснование общих суждений такого рода обычно сводится к перечислению фактов из жизненного опыта говорящего и не исключает контрпримеров. Глагол *понять* в рассматриваемом значении синонимичен выражениям *утвердиться во мнении*, *прийти к выводу* (после того, что со мной произошло), *после знакомства с этим человеком*, *убедиться* (на собственном опыте) и т. д. Поскольку понимание-5 протекает в течение большого временного интервала, то глагол *понять* не допускает указаний на внезапность постижения истины, ср.: **Я сразу/внезапно/понял, что люди по своей природе добры*.

Понимание, приходящее с течением времени и накопленным жизненным опытом, часто равнозначно процессу осознания достаточно тривиальных истин, которые раньше принимались как данное, процессу «превращения чужого в „свое—чужое“» [8] и далее в «свое», составляющее неотъемлемую характеристику субъекта. Именно это испытал Л. Н. Толстой после посещения Ляпинского ночлежного дома: «То, что случилось с Толстым в начале 80-х годов в Москве, было высшей точкой кризиса Толстого... Разумеется, Толстой и раньше, до 80-х годов, знал о горе народном. С. А. Толстая пишет Толстому из Москвы: „И разве ты прежде не знал, что есть голодные, больные, несчастные и злые люди“. Софья Андреевна только отчасти права в своем недоумении. Он знал умом, видел, а теперь как будто заново увидел и понял (разрядка наша. — Д. М.). Увидел и понял тогда, когда чувства были обострены до предела, и чувствами он принял это увиденное в себя. И отныне ничего не мог забыть, не мог не жить с этим» [9].

Призыв к пониманию как усвоению «чужого» — моральных норм, советов, — которые должны лечь в основу деятельности субъекта, прослеживается в таких высказываниях, как *Ты должен понять, что так не поступают*; *Ты должен понять, что времени осталось мало, а дел много*.

Возможность движения от пассивного знания к пониманию вскрывает особенности этих явлений. Если знание (особенно пропозициональное) в известном смысле означает просто обладание некоторой информацией, то понимание предполагает ее внутреннее усвоение и «имеет ясно выраженный психологический контекст» [10, с. 255]. Знание не является сущностной характеристикой субъекта, ибо можно знать что-то, а потом забыть [ср. 11]. Понимание же аннулировано быть не может.

Если в результате последующей проверки окажется, что некоторая информация, которую субъект считал истинной, не соответствует действительному положению дел, то утверждение понимания должно быть заменено на утверждение мнения, ср.: **Я неправильно понял, что заблудился* вместо *Я думал, что заблудился, но ошибся*. Понимание, которое дает ошибочный результат (неправильное понимание) в то же время отлично от непонимания, когда человек не формулирует для себя никакой истины, ср.: *Я не понял, что это значит* и *Я думал, что понял, что это значит, но ошибся*.

Понимание как пропозициональное достижение четко отграничено от получения информации в результате непосредственного наблюдения, когда мыслительная деятельность в явном виде не актуализируется⁴,

⁴ Здесь можно говорить о перцептивном понимании [12], которое, наряду с пониманием речевых сообщений на уровне реализации языковой компетенции, никогда субъектом не осознается и не эксплицируется. В речи фиксируются только те случаи, когда обычный ход восприятия оказывается нарушенным, ср.: «...усталость брала

ср.: «Евсей скорее понял, чем увидел, что Ольга совершенно спокойна, нимало не испугана» (М. Горький).

Момент достижения понимания обычно можно четко фиксировать, ср.: *Вчера я понял, что не могу здесь больше оставаться*; «Я очень рано понял, что человека создает его сопротивление окружающей среде» (М. Горький). Все виды понимания как пропозиционального достижения могут, кроме того, характеризоваться со стороны особенностей протекания мыслительных процессов у людей: легкости/затрудненности, скорости, контролируемости/неконтролируемости (неожиданности достижения результата): *понять с трудом/сразу/вдрыз/быстро*. Указания на скорость (*сразу, быстро*) и на момент наступления понимания (*наконец, через две недели*) одновременно фиксируют временной интервал, в течение которого имело место непонимание или недопонимание. И наоборот, фиксация периода непонимания может содержать оценку его длительности и как следствие оценку скорости достижения понимания. Ср.: «Очень скоро, не далее как через год после женитьбы, Иван Ильич понял, что супружеская жизнь, представляя некоторые удобства в жизни, в сущности есть очень сложное и тяжелое дело» (Л. Н. Толстой).

Понимание как пропозициональное достижение, базируясь на обработке достаточного или недостаточного количества исходных данных, преобладании интуитивного или рационального момента, может характеризоваться со стороны ясности и четкости полученных представлений, а также степени уверенности человека в их истинности, что находит свое отражение в противопоставлении выражений *понять хорошо, отлично* — с одной стороны, и *понять смутно* — с другой. Ср.: «И смутно понял я тогда, Что мне на родину следа Не проложить уж никогда» (М. Ю. Лермонтов); «Он теперь хорошо понял, как мила домашняя жизнь, которая казалась ему такой простой, и как гнусна бурсацкая, к которой он когда-то стремился (И. Г. Помяловский). Понимание как пропозициональное достижение по отношению к своему результату — факту [13] является неградуированным, ср.: * *Я плохо/уже лучше/понял, как мила домашняя жизнь*.

В случае понимания как пропозиционального достижения объект понимания часто в явном виде не задан заранее, а если явления, подлежащие пониманию, четко вычленимы, то внимание субъекта направлено не на их познание, а на определение того, что за ними стоит (понимание-1); внешне наблюдаемые признаки дают лишь материал для обоснования логического вывода. Имена, замещающие пропозицию при экспликации понимания как пропозиционального достижения, не могут поэтому относиться к предзаданным объектам понимания, а должны быть получены в результате преобразования внутри пропозиции — результата мыслительных усилий субъекта. Здесь возможны следующие варианты преобразований:

1) $N_1 \text{ есть Adj} \rightarrow N_{\text{Adj}} N_1^{\text{Gen}}$; $\text{Inf есть Adv} \rightarrow N_{\text{Adv}} \text{ Inf}^5$, когда существительное образуется от прилагательного или наречия в предикативной функции, например: «Они заранее били стбой — струсили, поняли фальшивость своего положения» (Д. Фурманов) = *Они поняли, что их положение фальшиво*; «Он получил изрядное воспитание, учился в университете, но рожденный в сословии бедном, рано понял необходимость проложить себе дорогу, набить деньги» (И. С. Тургенев) = *Он понял, что необходимо проложить себе дорогу*.

2) $N_1 V \rightarrow N_V (N_1^{\text{Gen}})$, когда существительное образуется от глагола, например: «— Однако уже, кажется, одиннадцать часов пробило, заметила Марья Дмитриевна. Гости поняли намек и начали прощаться» (И. С. Тургенев) = *Гости поняли, на что намекала Марья Дмитриевна*. Имя субъекта:

свое: он сидел, глядел и ничего не понимал» (И. С. Тургенев); «Я знаю себя и многих других, составляющих не исключение, которые при устной передаче ничего не понимают, и понимают только тогда, когда спокойно дома читают книгу» (Л. Н. Толстой).

⁵ В статье приняты следующие обозначения: N — существительное, Adv — прилагательное, Inf — инфинитив, V — глагол в личной форме, Gen — родительный падеж.

екта пропозиции может замещаться притяжательным местоимением. В случае совпадения мыслящего субъекта и субъекта пропозиции такая трансформация обязательна, при этом эксплицитное употребление местоимения не является необходимым. Ср.: «Заснувший в сумрачной чаще филин спросонья сообразит, что наступил вечер, заушает, и, поняв [свою. — Д. М.] ошибку, затихнет» (Г. Марков) = *Филин затихнет, поняв, что [он] ошибся.*

3) Прямой объект может быть подлежащим придаточного предложения определенного содержания и структуры. Свертывание пропозиции происходит здесь следующим образом:

$$\begin{aligned} & \text{понять, что } \left\{ \begin{array}{l} N \text{ есть } x \\ N \text{ заключается в том, что } y \end{array} \right\} \rightarrow \\ & \text{понять, } \left\{ \begin{array}{l} \text{каков } N \\ \text{в чем заключается } N \end{array} \right\} \rightarrow \text{понять } N, \end{aligned}$$

ср. *Я понял его состояние; Я не понял позиции собеседника.*

От понимания как пропозиционального достижения надо отличать другой вид понимания, который связан с восприятием субъектом явлений окружающего мира и информации, полученной «из вторых рук». Этот вид понимания заключается в проверке истинности, обосновании или объяснении для себя какого-либо явления или суждения, в поиске ответа на вопрос «почему так, а не иначе?»⁶, в установлении определенных логических, в основном, каузальных, связей между вновь приобретенными сведениями и всем фондом знаний и представлений субъекта. Здесь можно говорить о понимании как уяснении. Аксиомы и высказывания типа *Витгенштейн родился в 1889 г.* не нуждаются в подобном понимании, т. к. они не требуют никакого рационального подтверждения. Фразы *Вы поняли?*; *Вам понятно?*, употребленные после них, равнозначны реплике *Вы запомнили?* Нельзя проверить понимание аксиом и чисто фактических утверждений, можно проверить только их знание; однако можно установить понимание следствий из чисто фактических утверждений. Ср. «— Наши красных трубачей пригнали. Понимаешь? — Чего уж тут понимать? — лениво отозвался толстомордый ординарец» (М. Шолохов).

Понимание как уяснение не является необходимым и тогда, когда субъект достаточно компетентен в том или ином вопросе и считает полученную информацию очевидной. В этом случае процесс понимания не актуализируется, и его достижение не может быть эксплицитовано, однако понимание как состояние имеет место и связано со способностью давать объяснение другому лицу (*Ну что тут непонятного? Давай объясню.*). Поскольку при понимании как уяснении результаты мыслительной деятельности обычно могут быть сформулированы в некотором наборе суждений, то можно говорить о пропозициональном характере этого вида понимания. При уяснении вскрываются по преимуществу каузальные связи, поэтому пропозиция чаще всего имеет форму придаточного причины. Ср.: *Я понял, почему река начала мелеть; Я понял, что река начала мелеть, потому что много воды стало уходить на орошение полей.* Поскольку понимание как уяснение всегда требует ментального усилия, то глагол *понять* в рассматриваемом значении синонимичен глаголам ментального вывода *установить, прийти к выводу, выяснить, догадаться* и т. д. Понимание как уяснение в отличие от понимания как пропозиционального достижения допускает градацию. Ср.: *После того, как я прочел эту книгу, я лучше понял, почему мелеют реки.* Про это понимание часто нельзя сказать, что оно достигло своей окончательной цели, некой «истины в последней инстанции». Углубление этого вида понимания ведет к увеличению количества суждений, которые могут быть высказаны субъектом по интересующему его вопросу, а также к изменению их содержания. Это особенно относится к научному познанию.

⁶ Ср. одно из определений понимания, которое приводит В. Н. Костюк: «Понимание есть ответ на вопрос „почему?“» [10, с. 256].

При понимании как уяснении объект приложения мыслительных усилий человека практически всегда задан заранее, поэтому существительные, замещающие пропозицию, обычно представляют собой не результат ее свертывания, а являются названиями некоторых логических категорий, которые подлежат прояснению в каждом конкретном случае, ср.: *Я понял его идею/сущность этого явления/причину произошедшего события / мотивы его поступка* и т. д.

Процесс понимания предполагает активную мыслительную деятельность субъекта. Это верно и для тех случаев, когда понимание возникает в ситуации объяснения. Слушая объяснение, субъект должен не только все запомнить, но еще и проследить за ходом мысли говорящего, логикой его рассуждения, оценить правильность полученных данных. Различный характер восприятия информации, полученной «из вторых рук», отражен в таких парах, как *мне сказали — я узнал от него* (где активная мыслительная деятельность субъекта не подчеркнута) и *мне объяснили — я понял*. Объясняют то, что может быть неясным, вызывает вопрос. Повествование не обязательно ограничивается передачей новой информации. Если у слушающего по ходу дела возникнут конкретные вопросы, то рассуждение может перейти в объяснение. Понимание объяснения в принципе должно обеспечить адекватное повторение полученных сведений, однако, давая знать, что объяснение достигло или не достигло своей цели, адресат не воспроизводит полученную информацию, а прибегает к местоименной или иной замене. Ср.: *Я все понял; Я ничего не понял; Я понял тебя, не надо мне больше об этом говорить; Я все-таки не понял, почему она не может прийти* и т. д. Имена, замещающие пропозицию (или ряд пропозиций), являются здесь или названиями соответствующих речевых актов, или названиями логических категорий, на раскрытие которых направлено объяснение. Ср.: *Я понял твоё объяснение / твою мысль; Я понял теперь причину его длительных отлучек* и т. д.

В отличие от многих видов понимания как пропозиционального достижения и понимания как уяснения понимание объяснения находится обычно в прямой связи с определенной (а именно, коммуникативной) ситуацией, ср.: *Теперь / вот сейчас / после того, как ты мне объяснил. / я понял, где она живет*. Подобно пониманию как уяснению понимание объяснения допускает градацию. Ср.: *Я плохо понял, почему отец не может приехать, объясни еще раз*. При передаче фактической информации, восприятие которой строится на логической основе, полное понимание возможно и составляет задачу любого объяснения. В случае же передачи мнений, оценок, общих суждений, когда имеет место объяснение-убеждение, а также в случае сообщения информации о внутренних состояниях и мотивах поступков самого субъекта или других людей объяснение зачастую не может достичь своей цели, если адресат не обладает нужным жизненным опытом, отличается от субъекта по своей психической организации или имеет другой взгляд на вещи. В этой ситуации говорящий может признавать всю бесполезность объяснения, ср.: «Евлалия» — *То, что я чувствую, я не могу объяснить вам, вы не поймете. Чтоб понять мое горе, нужно иметь хоть несколько деликатности в чувствах. У вас ее нет* (А. Н. Островский).

Во всех рассмотренных выше видах понимания (понимание как пропозициональное достижение, понимание как уяснение, понимание объяснения) сочетаемость глагола *понять* с пропозицией является первичным синтаксическим свойством этого глагола, а прямая объектная конструкция всегда является вторичной. Однако не всегда понимание, отраженное в прямой объектной конструкции, может быть сведено к пониманию пропозиций, например, в случае понимания теорем, задач, гипотез, теорий и т. д. Не случайно Дж. Моравчик, говоря о пропозициональном характере подобного понимания, рассматривал его в терминах другой эпистемологической категории — знания. Так, например, понимание доказательств означает, что: (а) человек знает, что p^1, \dots, p^n являются предпосылками рассуждения; (б) человек знает, что s^1, \dots, s^n являются шагами рассуждения; (с) человек знает, что s есть вывод; (д) человек знает, что для доказательства используются правила r^1, \dots, r^n . Он знает также,

какое правило используется для какого шага доказательства; (е) человек умеет воспроизвести доказательство; (f) человек умеет применять это доказательство. При этом условия (а) — (d) описывают пропозициональное знание, а условия (е) — (f) относятся к «знанию как» (*knowing how*) [14].

О пропозициональной природе понимания еще труднее говорить в тех случаях, когда субъект утверждает, что он понимает искусство /музыку/ Фолкнера и т. д., ибо, во-первых, подобное понимание не требует строго фиксированного набора знаний, а во-вторых, оно может происходить на интуитивном уровне и выражаться в неясных представлениях, ощущениях, которые невозможно перевести на язык суждений. Прямая объектная конструкция здесь первична и зачастую единственно возможна. Подобное понимание имеет вневременной характер и не ассоциируется со значением результата. Ср.: **Я понял математику / музыку.* Утверждения рассматриваемого вида понимания не сообщают никаких дополнительных сведений об объекте понимания, но определенным образом характеризуют субъект с точки зрения его развития и особенностей психики. Ср. возможные здесь перифразы: *Он хороший математик; Он глубоко чувствует музыку; Он любит Фолкнера; он разбирается в живописи.*

Сказанное выше относится и к пониманию эмоциональных состояний и внутренних мотивов поступков других людей. Глагол *понять* может здесь, однако, не только употребляться в прямой объектной конструкции (ср.: *Я понимаю его радость*), но и вводить придаточное дополнительное, если в главном предложении содержится отрицание. Например: «— Но я не понимаю, как вы можете полюбить человека, который сделал гадость, хотя бы и не для вас» (А. Н. Островский); «— Не понимаю, решительно не понимаю, за что вы себя унижаете и что такое особенное находите в своем муже?» (А. Н. Островский). Изолированное произнесение подобных придаточных представляет собой случай риторических вопросов, близких к восклицанию. Ср.: *За что вы себя унижаете? Что тут такого радостного? Как он мог так поступить?* Эти придаточные дополнительные не выражают пропозиции, поскольку не допускают развертывания в полное суждение при утверждениях понимания (ср.: **А я понимаю, что тут такого радостного; Я понимаю, что она себя унижает за то-то и то-то.*)

Понимание чужого горя, радости, тоски по дому и т. д. имеет своим основанием сходство психической организации людей, известную общность жизненного опыта и умение субъекта поставить себя на место другого человека. Высказывание *Я понимаю его радость* означает «Я бы тоже радовался в подобной ситуации или «Я признаю возможность радоваться в подобной ситуации». Утверждения этого вида понимания определенным образом характеризуют самого субъекта (ср. возможные здесь ответные реплики: *Вы очень добрый человек, всегда стараетесь всех понять; Он совсем не хочет войти в его положение* и т. д.).

Каждому довольно трудно понять особенности других натур, всякий представляет себе всех людей по характеру своей индивидуальности. Отталкиваясь от своих представлений о том, что можно и чего нельзя делать, как бы «примеряя» поведение других людей «на себя», субъект при экспликации своего понимания или непонимания людей одновременно выражает свое отношение к ним: одобряет или осуждает, сочувствует или высказывает свое равнодушие. Так, если в реплике *Не понимаю, как он мог так поступить* звучит осуждение, то в ответном высказывании собеседника *А я его понимаю* осуждение снимается, хотя и не обязательно присутствует одобрение. Известное суждение «Понять — значит простить» отражает эмоциональный характер этого вида понимания.

Когда люди выражают свою оценку происходящего, они предполагают, что фактическая сторона дела им хорошо известна. Диалог в этом случае может превратиться просто в обмен мнениями, ср.: А. — *Не понимаю, что он так радуется.* В. — *Ну как же, друг приехал (= я понимаю его радость).* А. — *Да какой это друг, завтра же поссорятся.* Однако в процессе общения может выясниться, что один из собеседников не располагает нужными сведениями: А. — *Не понимаю, как он мог так поступить. Уехал и даже не попрощался.* В. — *Да он же был очень занят. Неприят-*

ности на работе, да тут еще и жена заболела. А.—А я не знал. Ну, тогда понятно (= я понял, почему он не попрощался). Достигнутое понимание причин события отнюдь еще не означает согласия с тем или иным способом поведения. Ср.: *Я все понял (понял, почему ты так поступил). Но я все равно осуждаю тебя.*

В той или иной ситуации люди могут обращаться к окружающим с призывом понять их: *Поймите меня! Я продолжал с ним общаться, потому что мне было его жалко. Он ведь остался совсем один.* В общем случае эти высказывания имеют для адресата неинформативный характер, а сам императив *пойми(те)* равнозначен призыву представить себя на месте говорящего и не осуждать его. Процесс такого понимания не мыслится аналогичным процессу обдумывания, логического вывода или принятия решения, т. е. не имеет значения результата. Ср. высказывание *Не понимаю и понимать не хочу* и невозможность здесь реплик: * *Так ты меня (уже) понял?*; * *Ты понял его радость?*; * *Ты понял, как он мог так поступить?* и т. д. Уместными являются здесь следующие высказывания: *Ты меня понимаешь?*; *Ты можешь меня понять?*; *Ты уже не осуждаешь меня?*; *Ты больше не сердисься?*; *Не обижайся!*; *Ты меня прости!* и т. д.

С накоплением знаний и жизненного опыта не остаются неизменными представления и мерки, с которыми люди подходят к окружающим. Если призыв *Пойми меня!* часто есть только «крик души», которому суждено остаться без ответа, то реплика *Когда-нибудь ты меня поймешь!* имеет большие основания и большую жизненную силу. Приобретенный опыт может впоследствии помочь разобраться во внутренних мотивах поступка того или иного человека и изменить отношение к нему. Достигнутое понимание может выражаться в формулировке ряда суждений и представляет собой понимание как пропозициональное достижение (понимание-5). Ср.: *Я понял своего отца и сейчас уже не осуждаю его = Я понял, почему отец ушел от матери = Я понял, что отец ушел от матери, потому что ему было трудно жить с такой властной женщиной.*

Таким образом, понимание как допущение того или иного способа поведения, согласия с ним базируется на тех знаниях и представлениях, которыми обладает субъект. Хотя в отдельных случаях это понимание можно свести к пониманию пропозиции (*Я его понимаю = Я понимаю, что он не мог поступить иначе*), в общем случае подобные суждения являются высказываниями о самом субъекте и не вводят новой информации.

Мы рассмотрели пропозициональное употребление глагола *понять/понимать* в сопоставлении с непропозициональным.

Утверждения понимания, в которых присутствует пропозиция, выполняют двоякую функцию. С одной стороны, они сообщают о самом факте понимания, описывают некоторое ментальное состояние человека. С другой стороны, они осуществляют ввод новой информации, которая была получена субъектом в результате определенных мыслительных усилий. Понимание как состояние тесно связано с пониманием как результатом, поэтому здесь вполне закономерно употребление глагола *понять* в форме несовершенного вида. Понимание как процесс охватывает множество различных ментальных операций, в результате которых субъект приходит к постижению (достижению) некоторой информации. Особенности мыслительного процесса часто определяются спецификой семантического содержания пропозиции; так, общие истины постигаются человеком на собственном опыте, факты — путем установления логических связей, оценки ситуаций основываются на анализе и выводе и т. д. Результаты понимания переходят в фонд знаний или мнений субъекта; непонимание равносильно отсутствию мнения или незнанию. Ср.: «[Антрыгина]— ... ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю [= не знаю.— Д. М.]» (А. Н. Островский).

В непропозициональном употреблении глагол *понимать* сочетается с обозначениями лиц, их поступков и эмоциональных состояний, а также продуктов интеллектуальной деятельности людей. В непропозициональном употреблении рассматриваемый глагол выполняет в основном функцию характеристики субъекта и часто не ассоциируется со значением ре-

зультатива. Связь понимания со знанием не является здесь однозначной. С одной стороны, хорошее знание, например, теоремы, невозможно без ее понимания, а с другой стороны, само понимание строится на уже приобретенном знании. Неполное понимание не исключает возможности (частичного) знания.

Исследование глагола *понять/понимать* с точки зрения особенностей интенционального объекта и рассмотрения ситуаций, в которых используются соответствующие высказывания, демонстрирует один из возможных подходов к описанию его семантики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976, с. 61.
2. Price H. H. Some considerations about belief.— In: Knowledge and belief. Ed. by Griffiths A. Ph. Oxford, 1968.
3. Хинтиikka Я. Семантика пропозициональных установок.— В кн.: Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980, с. 72—76.
4. Morawetz Th. Wittgenstein and knowledge. The importance of «On certainty». The University of Massachusetts, 1978, p. 93.
5. Wittgenstein L. On certainty. Ed. by Anscombe G. E. M. and von Wright G. H. Oxford, 1968, §§ 110, 136, 308.
6. Vendler Z. Say what you think.— In: Studies in thought and language. Ed. by Cowan J. L. The University of Arizona Press, 1970. p. 88.
7. Vendler Z. Res cogitans. An essay in rational psychology. Ithaca — London, 1972, p. 27.
8. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук.— В кн.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 371.
9. Маймин Е. А. Лев Толстой. М., 1984, с. 137.
10. Костюк В. П. Объяснение, предсказание, понимание.— В кн.: Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев, 1980, с. 246—261.
11. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке.— В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982, с. 46.
12. Вистрицкий Е. К., Филатов В. П. Теория познания и проблема понимания.— В кн.: Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983, с. 189.
13. Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (к проблеме предикативного отношения).— ИАН СЛЯ, 1980, № 4, с. 349.
14. Moravcsik J. M. Understanding.— *Dialectica*, 1979, v. 33, № 3—4, p. 206.